

Л.В. Ланник

**МИССИЯ ГЕЛЬФЕРИХА В МОСКВЕ:
ЗАБЫТАЯ ФЛУКТУАЦИЯ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ЛЕТОМ 1918 г.**

Аннотация. Первый этап советско-германских отношений представлял собой постоянное балансирование на грани разрыва. Считается, что ближе всего к возобновлению войны Советская Россия и Германия подошли после убийства Мирбаха. Куда меньше внимания уделяется еще одному опасному кризису, связанному с деятельностью второго германского посла в Москве. Хотя его пребывание в Советской России оказалось очень недолгим (девять дней), за это время была предпринята попытка спровоцировать разрыв советско-германских отношений и вооруженное свержение власти большевиков. Резкое ухудшение положения Советской России на фронтах в эти же дни делали переориентацию германской политики на Востоке еще более вероятной. Благодаря упорному противодействию германского ведомства иностранных дел, продолжению переговоров в Берлине и резкому кризису в кампании на Западном фронте кризис окончился «лишь» отъездом германского посольства из Москвы. Склонная к военному решению проблем на Востоке германская Ставка оказалась неспособна использовать очередной повод для расширения зоны оккупации и устранения накопившихся конфликтов. Подготовку и подписание важнейшего Добавочного договора от 27 августа 1928 г. сторонникам свержения большевиков также сорвать не удалось. Миссия Гельфериха едва не спровоцировала резкий поворот в истории Восточной Европы, а возможно – и в истории всего мира. Рассмотрение этих событий помогает поставить историю Гражданской войны в России и германской политики на Востоке в 1918 г. в контекст финала Великой войны и последующего поражения Центральных держав со всеми его последствиями.

Ключевые слова: советско-германские отношения 1918 г.; Брестская система; Добавочный договор; К. Гельферих; П. фон Хинтце; Э. Людендорф; А. Иоффе; Г. граф Кесслер.

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН, Россия, Москва. E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Scopus Author ID: 57211606261

Lannik L.V. The Helfferich Mission in Moscow: A Forgotten Episode in Soviet-German Relations in Summer 1918

Abstract. The first stage of Soviet-German relations was a constant balancing on the verge of break. Historically it is been thought that Soviet Russia and Germany had come closest to resuming the war after the Mirbach assassination. Much less attention has been paid to another dangerous crisis caused by the activities of the second German ambassador in Moscow. Although his mission in Soviet Russia was very short (9 days), during that time an attempt was made to provoke both a breakdown in Soviet-German relations and an armed coup against the Bolshevik government. The sharp deterioration of the Soviet Russia's position on the fronts of Civil War in those days made the reorientation of German policy in the East even more likely. Only due to the persistent opposition to Helfferich in the German Foreign office, continuations of negotiations in Berlin and the sharp crisis in the campaign on the Western front, this crisis ended «simply» with the departure of the German Embassy from Moscow. The German Headquarters, which tended to choose military ways to solution of any problems in the East, had proved to be unable to use another occasion for expanding its occupation zone and addressing accrued conflicts. Equally, they did not succeed in thwarting the preparation and signing of a most important Supplementary Treaty of August 27. The Helfferich-mission had nearly provoked a sharp turn in the history of the Eastern Europe and, perhaps, in the history of the whole world. Examination of these events helps to put the Civil war in Russia as well as the German politics in the East of 1918 in the context of final stages of WWI and the consequent defeat of the Central Powers with all its consequences.

Keywords: Soviet-German relations in 1918; the Brest system; Supplementary Treaty 1918; K. Helfferich; P. von Hintze; E. Ludendorff; A. Ioffe; H. Count Kessler.

Lannik Leontiy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher, Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences (IWH RAS), Russia, Moscow.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Scopus Author ID: 57211606261

Не так давно исполнилось полвека канонической версии истории советско-германских отношений на первом их этапе. Созданные по обе стороны железного занавеса масштабные работы по истории событий 1918 г. вывели исследование вопросов, связанных с финалом Великой войны на Восточном фронте, на новый уровень, хотя и не могли не отражать политическую конъюнктуру 1960 – начала 1970-х годов. Последнее вполне осознавалось исследователями и до, и после распада социалистического лагеря, но на качественно иной этап своего развития историческая литература об отношениях между Берлином и Москвой в 1918 г. до сих пор так и не вышла. обстоятельный обзор историографии по тематике, смежной с избранным в данной статье эпизодом в истории советско-германских отношений, потребовал бы отдельного

монографического исследования. Подобные попытки предпринимаются, хотя и не носят исчерпывающего характера [Полторак 2018]. Однако и без подробного анализа внушительного списка трудов можно констатировать, что до сих пор в России, Германии, на Украине, в Великобритании, США и в других странах исследований по истории мирных переговоров в Бресте в декабре 1917 – марте 1918 г. значительно больше, нежели работ об имплементации серии соглашений, достигнутых за этот период и в последующие месяцы по мере развития обстановки на Восточном фронте Великой войны. Ранее по политическим мотивам, а ныне благодаря преобладанию до сих пор в качестве «единственно верного» мнения о Бресте лишь как о «передышке», по-прежнему не предпринимается рассмотрение советско-германских отношений в 1918 г. в системном ключе. Основное содержание их по-прежнему не расценивается как сложнейший процесс имплементации Брестских договоров и оформления на их основе специфической системы международных отношений (для начала) в Восточной Европе [Ланник 2020, с. 33–70].

Хорошо известно, что российско-германские отношения и после подписания и ратификации Брестского мира, и даже после остановки основной фазы германского наступления на Востоке к середине мая 1918 г. носили характер перманентного кризиса. Едва ли не главной и привлекающей огромное внимание флуктуацией в крайне насыщенной истории недолгого периода официальных дипломатических контактов между Германией и Советской Россией полагают водоворот событий вокруг убийства графа Мирбаха 6 июля и серии лево- и правозсеровских мятежей в различных городах России. Для того чтобы считать именно эти (с 6 по 15 июля) дни кульминацией кризиса и моментом, когда вероятность возобновления войны между Советской Россией и Германией была максимальной, казалось бы, есть все основания. Однако изучение ряда до сих пор не введенных в отечественный научный оборот германских источников и переоценка прежних концепций по истории советско-германских отношений заставляет выделить и еще ряд крайне опасных кризисов, точек бифуркаций, когда история Восточного германского фронта в кампании 1918 г. Великой войны, а также ход всех вооруженных конфликтов на развалинах Российской империи мог радикальным образом измениться. Попыткой (едва ли не любыми средствами) спровоцировать военный сценарий развития событий стала миссия второго германского посла в Москве Карла Гельфериха, продолжавшаяся всего чуть более девяти суток, с 28 июля по 6 августа 1918 г. Общий фон событий, происходивших в эти дни в Спа, Берлине, Ковно, Киеве, Москве и ряде других городов до сих пор не рассматривался в целом, в том числе благодаря традиционному и некорректному разделению исторической науки на исследования о «нашей» и о «не нашей» истории.

Степень разработанности темы данного этапа советско-германских отношений как в российской, так и в зарубежной историографии оставляет желать лучшего, особенно при сравнении с положением в исследовании кризиса вокруг левоэсеровского мятежа и убийства предшественника Гельфериха на посту посла в Москве графа Мирбаха. При этом новые источники, связанные с данными событиями и вообще с советско-германскими отношениями в 1918 г., продолжают публиковать (как в Германии, так и в России) до сих пор. Например, лишь недавно продолжилась публикация донесений А.А. Иоффе из Берлина в Москву, начатая еще в 1990-х годах [Ватлин 2018; Wulff 1995; Wulff 1995 a; Wulff 1996]. Недостаточно введена в научный оборот сравнительно новая полная версия дневников Гарри графа Кесслера, несмотря на его огромную роль в российско-германских переговорах в июле-августе 1918 г. [Kessler 2006]. Вековые юбилеи несколько оживили этот процесс, однако не привели к корреляции между несколькими историографическими направлениями. Германский фактор в ходе кампании 1918 г. в Гражданской войне в России по-прежнему явно недостаточно вписан в общий контекст кульминации Великой войны, хотя без этого логику действий германской стороны понять невозможно. Общий уровень внимания к избранному эпизоду российско-германских отношений характеризует хотя бы тот факт, что до сих пор нет ни одной русскоязычной биографии столь крупного германского государственного деятеля как Карл Гельферих, как нет и переводных специальных работ о нем. Во многом это вызвано тем, что и в современной германской историографии специальной работы об этом деятеле, игравшем важнейшую роль в германской истории в течение как минимум 1913–1923 гг., пока что нет. Это тем более бросается в глаза на фоне недавнего переиздания ряда его научных трудов по экономике и финансам, а также некогда частично переведенных на русский язык мемуаров. Попытки создания биографии были предприняты еще в 1930-е годы, когда ряд сведений был недоступен или по меньшей мере вряд ли мог быть предан огласке [Scheffbuch 1934; Raumer 1938 a; Wahnmund 1938]. Образы германских дипломатов, в том числе Гельфериха, представлены одним из германских публицистов [Joost 1967], а новейшей из его биографий можно считать книгу, вышедшую без малого полвека назад [Williamson 1971].

Убийство Мирбаха и последующая крайне напряженная атмосфера в российско-германских отношениях описаны в ряде источников и литературы, поэтому в данном случае достаточно констатировать, что к 20-м числам июля острая фаза кризиса миновала, а убеждение многих и сторонников, и противников большевиков, что вскоре последует масштабная карательная акция со стороны Германии, оказалось несостоятельным. Разгром эсеровских восстаний еще раз продемонстрировал прочность большевистского режима, в чем так сомневался накануне своей гибели первый германский посол в Москве.

Дальнейшие российско-германские отношения зависели от личности и манеры действий нового германского эmissара, поэтому следует остановиться на обстоятельствах его назначения.

Фактор кадровых решений в данном случае крайне характерен для оценки манеры ведения германской политики на Востоке в 1918 г. в целом. Отбор кандидата проходил в обстановке сложнейшего внутривнутриполитического кризиса в самой Германии, на фоне нарастающего кризиса в германских наступлениях на Западном фронте и при непредсказуемом развитии ситуации в большевистской России, а также крупных (хотя и меньших, нежели это было возможно) последствий, вызванных резонансом от убийства Мирбаха. Назначение нового посла в Москву проходило с такой скоростью и по таким соображениям, которые не имели никаких шансов на соответствие темпу событий и многогранности отношений между Москвой и Берлином. Ближайший советник покойного Мирбаха К. Рицлер, а также майоры Ботмер, Хеннинг и Шуберт бомбардировали Берлин, Ковно и Спа (там с 7 марта 1918 г. находилась германская Ставка) просьбами о вывозе миссии из большевистской столицы, а затем о срочном вводе войск для ее охраны. Но германская Ставка (ОХЛ)¹ и внешнеполитическое ведомство (АА)² и правительство в целом были поглощены очередным правительственным кризисом и интригами. Сильный скандал, вызванный выступлением в рейхстаге статс-секретаря по иностранным делам Р. фон Кюльманна 24 июня 1918 г., и последующая эпопея с его отставкой под давлением ОХЛ целых две недели (до 9 июля) [Kühlmann 1948, S. 570–580] занимали германские элиты и общественность куда больше, нежели отношения с Советской Россией. Даже сенсационное убийство Мирбаха и сдержанная реакция на это официального Берлина оказались не столь важны для общего хода событий в верхушке Германии. После непростых совещаний и опасений из-за недовольства леволиберального большинства в рейхстаге последовало назначение нового главы Министерства иностранных дел – вице-адмирала П. фон Хинтце, которого поначалу считали марионеткой Людендорфа, хотя бы потому, что первый был кадровым, хотя и бывшим, военным. До этого Хинтце был посланником в Христиании, а управление ведомством смог полностью принять спустя две недели после назначения, т.е. к 21–22 июля. Длительные консультации вокруг кандидатуры нового посла в Москву к этому моменту уже завершались.

По их итогам представителем Германии в Советской России был назначен К. Гельферих, в недавнем прошлом вице-канцлер, один из ведущих финансистов Германии и важнейший консультант в разработке экономических

---

1. ОХЛ (от нем.: *Oberste Heeresleitung*) – верховное главнокомандование сухопутных войск.

2. АА (от нем.: *Auswärtiges Amt*) – Министерство иностранных дел Германии.

условий мирных договоров на Востоке, особенно Бухарестского (от 7 мая 1918 г.). Новый посол сделал блестящую карьеру и, получив назначение в Москве как раз в день своего 46-летия (22 июля), мог полагать, что ему предстоит выполнить сложное, интересное, но временное задание, ведь его ждут более масштабные дела в подошедшей вплотную к победе в Великой войне Германской империи. Это был своего рода «политический тяжеловес», да еще и с крепкими связями с германскими магнатами (что, конечно, придавало ему особый вес в глазах большевиков), но не обладавший ни должной информацией о ситуации в Советской России, ни готовностью к ведению принципиально новой дипломатии. Более того, как и многие германские военные и политики, Гельферих после Бреста полагал, что Кюльман грубо ошибался в своей тактике переговоров, ведь с большевиками попросту необходимы более твердые и вполне традиционные линия и этика. Выбор в Берлине именно такого влиятельного кандидата вызвал разочарование у уже настроившихся на, по меньшей мере, частичный разрыв с Советами членов германской миссии в Москве. Честолюбие Гельфериха, его большое влияние на престарелого рейхсканцлера и слабовольного кайзера оказались важнее и умения, и желания вести дела с большевиками, которыми амбициозный финансист совершенно не обладал. Более того, как раз потому, что Гельферих был представителем именно экономических, а не военных или дипломатических кругов, он проявлял столь явную убежденность в бесперспективности сотрудничества с большевиками, даже временного. Сказывались, вероятно, и психологические расчеты: Красин предполагал, что Гельферих, с его неуступчивостью и колючим характером, вполне сможет справиться с «истериком» Чичериным. Гельферих перед отъездом (25 июля 1918 г.) еще раз убедился в том, что лишних дивизий у Людендорфа для масштабной военной операции на Востоке нет, а потому придется лавировать между партиями, ведь все они (включая большевиков) очень слабы [Kessler 2006, S. 476, 483]. Необходимых экспертов для сложных маневров в Москве он с собой не взял. Хотя различий в позициях между Гельферихом и сыгравшим видную роль в переговорах с Иоффе чиновником германского дипломатического ведомства графом Кесслером пока не обнаружилось, последний вместе с новым послом в Москву так и не уехал. Это отразилось на координации действий и германской, и советской дипломатий на финальной стадии подготовки Добавочного договора, очень сложной вплоть до последних часов перед его подписанием 27 августа 1918 г. [Baumgart 1966, S. 258–303].

Следует отметить, что для поздних консервативных монархий было характерно в момент острого кризиса назначать на важнейшие посты не специалистов по решению проблемы, а людей, пользующихся наибольшей симпатией императора. Куда более адекватным вариантом было бы назначение послом германского консула в Москве Хаушильда (который стал германским

поверенным в делах уже после отъезда Гельфериха), почти месяц решавшего важнейшие вопросы: о возможности ввода германских солдат в Москву «для охраны», о выводе военных миссий Антанты из столицы Советской России, о возможном переносе посольства на оккупированную Центральными державами территорию и т.д. Гельферих впоследствии утверждал, что обо всем этом комплексе проблем узнал лишь за несколько дней до отъезда в Москву [Helfferich 1919, S. 459]. Даже если он так пытался снять с себя ответственность за последующий полный провал его миссии, то подобное неведение еще больше говорит не в его пользу: предложить свою кандидатуру рейхсканцлеру он сумел очень быстро, а вот немедленно начать вникать в дела и получать должную информацию не смог.

Нет сомнения, что с куда меньшим раздражением было бы встречено назначение послом в Москву П. фон Хинтце: с этим германские дипломаты старой школы смирились бы куда легче, нежели с воспринятым как пощечина назначением «чужака» главой всего внешнеполитического ведомства. Сам Хинтце был несравненно более Гельфериха готов к стабилизации отношений с большевиками. Без особенного недовольства могли бы принять и назначение послом на весьма опасный и сложный пост в Москве и Курта Рицлера, хотя это и не отвечало бы выслуге лет последнего (он был моложе Гельфериха на десять лет, ему в 1918 г. было всего 36). Рицлер был безусловно влиятельным и опытным дипломатом, годами курировавшим в том числе и политику в отношении России. Опыт общения с большевистскими эмиссарами он получил еще в ходе своей миссии в Стокгольме на рубеже 1917 и 1918 гг. Он как никто близко пережил убийство Мирбаха и был более чем осведомлен о ситуации в России, пусть и не слишком верно ее оценивая. Можно лишь пожалеть, что дневники и наследие Рицлера были весьма серьезно цензурированы в рамках конфликта вокруг исторической памяти о Великой войне в ФРГ в 1950–1970-х годах. Возможно они были даже частично уничтожены, чтобы снять ответственность с Германии и с ряда ее политических деятелей за события Великой войны, а возможно и за контакты с большевистской Россией. Дискуссия о намеренном искажении наследия Рицлера далеко не окончена, но то, что в нем есть немалые лакуны, – очевидно [Schulte 1985, S. 58–85].

Важнейшее значение для последующей истории «миссии Гельфериха» имеет то, что у нового состава германской миссии в Москве при отъезде не было текста парафированного нового (будущего добавочного) договора с большевиками. Обещания А.А. Иоффе и Л.Б. Красина в беседах с кружком Штреземана – Кесслера не имели решающего значения, ведь реально со стороны АА подготовкой сделки занимался дотошный юрист доктор Криге. Впрочем, нет ни одной его биографии, документы из его фонда в Политическом архиве никогда не публиковались. В дипломатических кругах всегда существовала рознь между своего рода «дипломатами крови» и «дипломатами

мантии», т.е. между обвиняемыми в некомпетентности аристократами и обвиняемыми в косности юристами. Это отражалось на взаимном доверии и на общей координации работы на Вильгельмштрассе. 20 июля 1918 г. Криге ознакомил Кесслера с деталями переговоров с Иоффе, где уже понадобилось заключить не менее шести сделок по разным вопросам, в том числе по тем проблемам, о которых ранее считавшие только себя ведущими фигурами в подготовке договора Г. Штреземан, Литвин и Кесслер пока лишь слабо подозревали. Это были реальные и масштабные (100 тыс. т в месяц) поставки угля, а также соглашения по бакинской нефти, использованию судов Черноморского флота под германским флагом в Средиземном море, валютные вопросы и т.д. Хотя примерный текст соглашения был представлен 21 июля, о поддержке его ОХЛ (по крайней мере, быстро) не могло быть и речи. Один из лидеров парламента Штреземан угрожал скандалом в рейхстаге, не верил, что Хинтце сможет в чем-либо убедить Людендорфа. Глава ОХЛ всегда с недоверием относился к любым договоренностям на Востоке, достигнутым дипломатами без его личного контроля. Хотя заявлялось, что нельзя откладывать подписание договора «ни на день», что этот договор в отличие от Бреста надо будет соблюдать, довести дело до конца волевым решением было некому. Кайзер под различными предлогами откладывал встречу с Хинтце [Kessler 2006, S. 465–471]. Гельферих не стал перегружать себя информацией и отбыл к новому месту службы, не имея даже базовых сведений о текущем состоянии российско-германских переговоров о судьбах всей Восточной Европы.

Еще до его приезда в подвале здания посольства разместились 72 солдата, установили пять пулеметов, весь дипломатический персонал не расставался с оружием и старался не покидать резиденцию. Комендантом и командиром только что прибывших из Берлина 300 человек охраны (т.е. почти полбатальона) был назначен капитан фон Цихлински. Слухи о новых покушениях и о том, что Гельферих может и не доехать до Москвы, если внезапно не изменить порядок его проезда, ходили непрерывно (см. дневники находившегося в посольстве германского журналиста А. Паке: [Von Brest-Litovsk 1971, S. 84]). Беспрецедентные меры безопасности на подъезде к столице убедили Гельфериха в том, что большевики не в состоянии обеспечить его безопасность даже под охраной и в центре города [Helfferich 1919, S. 462–463]. Объяснять необходимость подобной предосторожности был направлен К. Радек, что – с учетом особенностей его репутации и характера – вряд ли могло способствовать налаживанию отношений [Gutjahr 2012, S. 286]. Именно Радек, пользовавшийся – к возмущению Иоффе [Wulff 1996, S. 273] – самой эксклюзивной информацией из Берлина, регулярно выступал с откровенно радикальными статьями, носившими в конечном счете вполне прогерманский

характер. Подтверждением тому служат дневники А. Паке, много общавшегося с Радеком [Von Brest-Litovsk 1971, S. 83 и далее].

Прибытие в Москву 28 июля 1918 г. нового германского посла не укрепило надежд на «потепление» с обеих сторон. Гельферих застал отчаянные призывы большевистского правительства к защите «социалистического Отечества» из-за явно тяжелого положения на Восточном фронте, что производило впечатление безнадежной для Совнаркома ситуации. Большевики согласились на размещение 300 человек охраны для германского посольства, вооружение их гранатами и ручными пулеметами; не исключалась также возможность дальнейшего усиления охраны германского посольства элитными частями РККА. Все эти меры только подкрепляли впечатление слабости режима, хотя недавно он умудрился выстоять в тяжелейшем кризисе. После уличной стрельбы 31 июля (причины которой до конца так и не были выяснены) большевики согласились передать под контроль германской миссии целый квартал. Тем не менее Гельферих все пребывание в Москве фактически провел под домашним арестом [Ботмер 2010, S. 218–220].

Германский посол в Москве довольно быстро пришел к парадоксальному – по сравнению с расчетами многих своих коллег и военных специалистов – выводу о том, что только «свержение большевистского владычества и в Великороссии дало бы нам возможность рассчитывать на более спокойную обстановку на Востоке и на высвобождение большей части размещенных там дивизий» [Helfferich 1919, S. 477]. В этом мнении его сразу же поддержал (а возможно, и являлся инициатором всего последующего курса) К. Рицлер, в течение трех предшествующих недель представлявший Германию в РСФСР. Будучи уверен, что политический вес Гельфериха поможет добиться должного поворота в политике на Востоке, секретарь посольства не жалел усилий для подготовки выезда из Москвы, а потом и полного разрыва с Советами [Riezler 1972, S. 470–471]. Тем временем и в армейских, и в дипломатических кругах, и в АА исходили из строго обратной логики, где альтернативой большевикам было немедленное образование нового Восточного фронта.

Убедив себя в собственной правоте, весьма энергичный посол приступил – как ему казалось, при полной поддержке всех германских представителей в Москве – к подготовке будущего разрыва дипломатических отношений. Гельферих запросил у Берлина (причем у канцлера и ОХЛ, но не у Хинтце) разрешения на тайные переговоры с латышскими стрелками и представителями антибольшевистских сил (см. текст его телеграммы от 1 августа и опровержения Хинтце от 2 августа: [Paul von Hintze 1998, S. 461–463]. Ряд иных неопубликованных документов по теме сохранился в фонде Хинтце: [ВА-МА. N 536/66, 627 f]), а в ответ на указание о необходимости способствовать подписанию Добавочного договора назвал его – как и Брестский мир – «макулатурой». Его убеждал в том, что все эти переговоры – «финт» большевиков

ради продления передышки, и А. Паке, в беседе 2 августа [Von Brest-Litovsk 1971, S. 91]. Он решил безотлагательно провести перевод германского посольства в Петроград, что не могло не вызвать самого острого кризиса недоверия еще до официального разрыва. Шокировавшее германские элиты убийство генерал-фельдмаршала фон Эйхгорна в Киеве (30 июля) было вовсе не расследовано, так что версия о «большевистском следе» в нем стала дополнительным аргументом для Гельфериха, работавшего на свержение Советов [Боевой восемнадцатый год 2019, с. 247–290; Ланник 2020, с. 338–340].

Хинтце, тем временем укрепивший свои позиции в АА и добившийся согласия на свое видение Ostpolitik в ОХЛ, теперь понял сколь тяжелую ошибку он совершил, согласившись в момент своего назначения – во избежание излишних споров – отправить Гельфериха в Москву. Рассуждения посла о готовности к немедленному военному вмешательству глава АА парировал указанием в адрес ОХЛ на то, что военная операция действительно может понадобиться, но не для свержения большевиков, а *на случай* оно и в связи с весьма вероятно враждебным отношением к Германии любого нового правительства России. Происходило это на фоне сделанного Чичериным 1 августа предложения о совместных германо-российских военных акциях против Мурманска и против Алексева (а значит, с неизбежностью и против Краснова), на которые Хинтце реагировал уклончиво. Он был готов сделать вид, что поддерживает идею германо-большевистского альянса, но в реальности собирался предоставить большевикам и их противникам и далее ослаблять друг друга, не тратя германские силы ради любой из сторон. Тем временем Людендорф подробно ответил 4 августа на запросы Хинтце о деталях возможных совместных германо-большевистских военных акций на севере России и на Дону.

Резкое оживление активности ОХЛ в восточных вопросах было вызвано тем, что к началу августа даже в Спа признали, что наступление на Западе захлебнулось (по меньшей мере пока), а потому придавали большое значение оформлению гегемонии на Востоке в расчете на долгие годы будущего противостояния с Антантой. А в Москве были недовольны затяжными переговорами в Берлине, ведь там казалось, что времени не оставалось, чехословаки уже подступали к Казани. Пока в августе определялась судьба всего мира, неискренняя игра стала для обоих главных акторов Брестской системы самым удобным прикрытием истинных намерений и средством тянуть время. Но для Иоффе и других большевистских эмиссаров в Берлине (Сокольников, Ларин) разговоры о военном сотрудничестве отнюдь не были туманными проектами на будущее, они увязывали подобные обещания германской стороны как минимум с выводом войск интервентов из полосы магистрали Ростов – Москва, чего требовали с 25 июля 1918 г., а также с последующим частичным занятием Донбасса войсками РККА [Wulff 1996, S. 296]. Это было возможно

лишь после ожесточенных боев с казаками, а также при обеспечении германским командованием нейтралитета Украинской державы. Учитывалось, что как раз накануне Киев и Новочеркасск договорились едва ли не о союзе, последнее было крайне маловероятно, что учитывали и при рассмотрении этого вопроса в штабе группы армий «Киев» и в штабе оккупировавшего часть Донской области корпуса генерала Кнёрцера [Kriegstagebücher, bl. 66 a–68 a]. Таким образом, германское дипломатическое ведомство достаточно быстро поставило крест на подобных надеждах НКИДа, предоставив другие, куда менее важные, уступки в обмен на принимаемые на себя большевиками обязательства. Хинтце, упорно дезинформируя советского полпреда насчет планов в отношении Добровольческой армии, даже язвительно заявил Иоффе, что всего через три дня после возможного вывода германских войск из Ростова большевики сами же попросят ввести их туда обратно, чтобы помочь справиться с Алексеевым [Wulff 1996, S. 302]. Встревоженный непонятной ему «новой линией» НКИДа Иоффе вполне логично заверял Москву, что любые обращения к немцам о помощи автоматически снижают возможность каких бы то ни было их уступок во второй редакции Бреста. В ответ Ленин заявил, что предложения Иоффе не допускать разрыва с Антантой попросту «смешны». Ответ на меморандум от 28 июля последовал 3 августа [Wulff 1996, S. 303].

Казавшиеся тогда финальными переговоры (с учетом предложений ОХЛ и сговорчивости Красина и Иоффе) по деталям Добавочного договора проходили под представлением, что большевистский режим недоговороспособен, а его свержение неизбежно, поэтому важно лишь, будет ли Германия принимать в этом участие и в какой степени. В способность антибольшевистской разношерстной оппозиции собственными силами свергнуть большевиков Хинтце справедливо не верил и полагал, что активно поддерживавшего идею антибольшевистского мятежа Гельфериха нужно было – во избежание нового и вряд ли поправимого кризиса Бреста-2 – срочно обезвредить. В течение первых дней августа статс-секретарь изрядно поволновался, опасаясь, что решение атаковать большевиков Людендорфом уже принято, что подготовка к наступлению прошла стадию невозврата, а потому АА в любой момент может быть поставлено перед фактом. В этом случае оставалось бы лишь подсластить пилюлю, подготовив нужные прокламации для двинувшихся на Москву германских войск (см. его указания и телеграммы 2–7 августа: [Paul von Hintze 1998, S. 466–473]).

Отчаянные закулисные интриги в Берлине и Спа были неизвестны персоналу германского посольства в Москве, а поэтому там с возмущением полагали, что затяжки в решении о выезде миссии из города вызваны лишь бюрократизмом и нежеланием АА взять на себя ответственность [Ботмер 2010, с. 218–219]. Возможно, и сам Гельферих специально готовил своих

сотрудников к такому повороту событий, хотя и подозревал о совершенно ином фоне событий и о противодействии ему Хинтце. Посол, секретарь и военный атташе были изрядно озлоблены и недоумевали, если инструкции с Вильгельмштрассе долго не поступали, сами же они отправляли информацию в Берлин регулярно. И вдруг уже 5 августа (через восемь дней после прибытия Гельфериха в Москву!) из Берлина было получено указание как можно скорее «прибыть для доклада». Чтобы полностью дезавуировать требования и репутацию нового германского представителя в Москве, уже тогда стали распространять версию, что упорное стремление Гельфериха о переезде германской миссии в другой город вызвано лишь его тревогой за собственную безопасность. А сам он впоследствии с возмущением писал об открытых угрозах со стороны левых эсеров и полное равнодушие к убийству Эйхгорна Чичерина [Helfferich 1919, S. 481–483]. Объяснять только страхом мотивы отъезда посла («бегство Гельфериха после всего 10 дней пребывания у большевиков») – достаточно примитивно, хотя исключить совсем подобного варианта событий нельзя. Есть версии и еще более смелые: в книге Йооста глава о Гельферихе называется «Ленину нужны дивизии Людендорфа» [Joost 1967, S. 65–98].

6 августа 1918 г. Гельферих, вопреки указаниям Хинтце, зато умело используя темперамент кайзера, добился согласия на перенос германского посольства из Москвы в Петроград, чем впоследствии гордился, как главным результатом своих антибольшевистских усилий (Одна из первых попыток анализа его мемуаров, причем в характерных для конца 1930-х годов тонах. См.: [Raumer 1938, S. 392–399].) Распоряжение об отъезде он отдал строго накануне своего отбытия в Берлин, фактически самовольно. Это не означало немедленного разрыва, однако, очевидно, являлось важной подготовительной к тому мерой. Развитие прямых и официальных германо-большевистских контактов продлилось около четырех месяцев, начиналась стадия свертывания. Людендорф ожидал только «еще одного покушения», чтобы начать вторжение в Россию. Совнарком, имея в виду возможную победу линии на разрыв отношений среди германского военно-политического руководства, постоянно откладывал церемонию вручения верительных грамот, одновременно готовясь к худшему. Вечером 6 августа германский посол выехал из Москвы, перед отъездом еще раз обсудив свою позицию с Рицлером и эмиссаром ОХЛ в Москве майором Шубертом. Оставшиеся в Москве германские представители обсуждали скорый удар войск кайзера от Полоцка на Вологду [Von Brest-Litovsk 1971, S. 94]. Уже на следующий день, 7 августа, Гельферих был надолго задержан, не доехав даже до Смоленска. Потом выяснилось, что в Орше взбунтовались войска Завесы (около 1500 человек), не желавшие отправляться на большевистский Восточный фронт. Этот мятеж и стал причиной задержки, чреватой новым скандалом. Однако инцидент сгладил тот

же Радек, которому было поручено сохранять связь с германской миссией – куда бы они ни отправилась – и не допустить разрыва дипломатических отношений. Радек почему-то решил, что германское посольство теперь отправится в Петроград, а потому был шокирован известиями о выезде дипломатов Центральных держав в Псков, оккупированный германскими войсками [Gutjahr 2012, S. 286–287]. В таком повороте он обвинял (и напрасно) только Рицлера и Гельфериха, тут же вознамерившись вновь лично наладить российско-германские отношения и уже в Берлине, куда он готов был выехать «даже инкогнито и хоть завтра». Готовясь к дискуссиям, Радек потрясал телеграммой от Иоффе и сообщал о начавшейся концентрации германских войск на демаркационной линии.

Едва избавившись от очень неудобного и полуофициального пребывания миссий Антанты за пределами столицы, большевики теперь были накануне такого же двусмысленного положения с представительствами Центральных держав. В Москве осталось генеральное консульство Германии с более скромной – всего 125 человек из бывших военнопленных – охраной, консула в Петрограде охраняли и вовсе менее 30 человек [Von Brest-Litovsk 1971, S. 95]. Отъезд основных представителей Четверного союза, причем сразу после явного разрыва Советской России с Антантой, был воспринят в Совнарком и ВЦИК очень болезненно. Крайне удивлен и озлоблен неожиданной для него акцией германской дипломатии был, считавший себя экспертом во всех германских вопросах, Радек [Von Brest-Litovsk 1971, S. 95–100]. Ходили слухи о кадровых перестановках в НКВД, так что потерпевший неудачу Чичерин отправился бы в Вену, в Карахан и в Константинополь. 12 августа в Берлин отправил соответствующую информацию генеральный консул Хаушильд [Von Brest-Litovsk 1971, S. 103]. Очередного – и крайне опасного для финальной стадии согласования Добавочного договора – поворота удалось избежать, ведь Ленин был намерен дождаться дополнительной информации из Германии. А в Берлине Иоффе был по-прежнему крайне встревожен действиями Радека, утверждавшего в «Известиях», что от кризиса в советско-германских отношениях выигрывает только Антанта. Совершенно не нужны были лишние флуктуации и все более прочно контролирующему свое ведомство главе АА.

Пока Гельферих был в дороге, Хинтце лихорадочно готовился к неожиданностям, подробно разъясняя Людендорфу невыгодность военных акций против большевиков с учетом условий вышедшего на стадию парафирования Добавочного договора. Он представлял подписание новой сделки Иоффе уже свершившимся фактом, с чем в ОХЛ спорить не стали [Paul von Hintze 1998, S. 478–482]. Расчеты на подписание договора в ближайшие дни вызвали оправданный скепсис видных чиновников АА. Свидетельства тому можно найти в мемуарах Рудольфа Надольного. К сожалению, эти мемуары не

слишком подробны, а недавняя публикация документов из его наследия посвящена в основном иным этапам его биографии [Nadolny 1955; Botschafter 2017]. Твердо решивший сделать ставку на большевиков статс-секретарь срочно слег в постель, чтобы выиграть время и уклониться от излишних дискуссий. В том числе поэтому после 6 августа прямых указаний из Берлина в Москву, а тем более персоналу посольства во главе с Рицлером, находившемуся в дороге, не поступало. В АА ходили слухи, что Гельферих действует по соглашению с ненавидящими большевиков промышленными магнатами, а Людендорфа попросту настраивают против Москвы какие-то офицеры ОХЛ, например генерал П. фон Бартенверфер. Одновременно Штреземан всячески пытался сорвать любые военные акции против большевиков. В роковой – как потом оказалось – день 8 августа он обратился к влиятельному в ОХЛ полковнику М. Бауэру (с просьбой передать Людендорфу) с разъяснениями насчет важности компромисса с Советской Россией, тем более на уже согласованных и выгодных условиях будущего Добавочного договора (текст письма см.: [Gatzke 1955, S. 92–94]). Аргументом в пользу того, что большевики готовы стать надежными союзниками Германии, было и то, что после переворота и десанта в Архангельске, в Москве 5–6 августа прошли аресты консульских стран Антанты. Крайняя обеспокоенность Министерства иностранных дел Германии расширением масштабов интервенции стран Антанты сразу в нескольких регионах (включая Дальний Восток и Баку) также сыграла на руку противникам антибольшевистских акций. Зато крайне не вовремя приходили известия о потере большевиками Казани (7 августа), о массовых арестах офицеров при их регистрации, затем о захвате белыми золотого запаса. Казалось, что Гельферих в своих увещеваниях – свергнуть большевиков под германскую диктовку, пока это не случилось под антигерманскими лозунгами – был совершенно прав. В этом был убежден глава пропагандистского ведомства в ОХЛ полковник Хефтен, собиравшийся 9 августа сделать доклад Людендорфу о необходимости срочно предпринимать антибольшевистскую операцию.

Можно лишь гадать, какой эффект произвели бы в Спа настойчивые сообщения от посла в Москве, дожидись он (под любыми предлогами) этих роковых для большевиков известий, т.е. задержавшись еще на два-три дня. Впрочем, так как «черный день германской армии» под Амьеном наступил уже на следующий день после взятия Казани (т.е. 8 августа), а дни и до этого, начиная с 18 июля 1918 г., были для Германии на Западе тоже отнюдь не «белыми», даже такой вариант мог и не привести к радикальным решениям. Предсказать, какие именно распоряжения отдал бы Людендорф, узнай он прямо от Гельфериха о «походе чехословаков на Москву», и смог бы он преодолеть сопротивление временно лишившегося контраргументов Хинтце, крайне сложно. Можно констатировать, что между 6 августа и 6 сентября

большевики оказались в наиболее тяжелом военном положении за всю кампанию 1918 г., причем почти на всех фронтах сразу. Однако по сравнению с событиями 6–8 июля они достаточно прочно контролировали ядро подвластной им территории. По опыту быстрого и успешного разгрома левозеро-вского мятежа уже доводилось убедиться в том, что Совнарком может выйти даже из казавшейся безнадежной ситуации. В известной степени именно этими соображениями руководствовались дипломаты, продолжая переговоры с неоднократно уже «похороненным» советским правительством, настаивая на сделках его с Финляндией и Украиной [Ланник 2020, с. 160–165, 311–316]. Таким образом, Хинтце по-прежнему имел в виду по меньшей мере среднесрочное сотрудничество в рамках Брестской системы.

Пользуясь тем, что Гельферих, проезжая через территорию Обер Оста³, был бессилен ему помешать, Хинтце назначил местом пребывания германской миссии Псков (хотя глава Обер Оста генерал М. Гофман, стремясь к полноте власти на Востоке предлагал Ковно). Посол в Москве (или теперь в Пскове?) узнал об этом, уже прибыв в Берлин утром 10 августа [Helfferrich 1919, S. 488–490]. Так как якобы железнодорожное сообщение между Петроградом и Псковом установить было невозможно, а оборудованного фильтрационного пункта на этом участке демаркационной линии не было, то нужно было непременно ехать из Москвы через Гельсингфорс. Это стало одной из наглядных иллюстраций дошедшего до абсурда паралича прежней имперской инфраструктуры и нормального оборота людей и товаров. Уже днем 9 августа германские дипломаты и атташе после 36 часов пути прибыли в Петроград, где пробыли лишь сутки, выехав далее в Финляндию, а оттуда морем в Ревель (прибыли 12 августа), а уже оттуда в Псков, где Рицлер задержался очень недолго. Тем временем удивленному Гельфериху уже в Берлине было сообщено о парафировании Добавочного договора, сильно ускоренного новостью об отъезде германского посольства из Москвы, а также о неожиданном переезде его миссии.

Новая волна опасений разрыва заставила главных творцов Добавочного договора в Берлине с большевистской стороны – Иоффе и Красина – временно прекратить конфликт, что было с удовлетворением отмечено их контрагентами по переговорам (Кесслером, Штреземаном, Криге). Таким образом, действия Гельфериха возымели в Министерстве иностранных дел эффект, даже обратный желаемому Германия смогла уклониться от целого ряда допускаемых ранее уступок (в том числе относительно вывода германских войск

---

3. *Обер Оста* (от нем. *Oberbefeheshaber der gesamten deutschen Streit krafte im Osten*) – территория, находившаяся в подчинении Верховного командования всеми германскими Вооруженными силами на Восточном фронте в период Первой мировой войны.

с Дона) [Kessler 2006, S. 502], заметно сместив баланс сделки в свою пользу. Завершение торгов вокруг Бреста-2 означало конец периода «междоусобия» в германской дипломатии на Востоке. Хинтце откровенно продемонстрировал, что дипломатическая миссия Гельфериха окончена, успев за время его затянувшегося путешествия парировать большую часть последствий антибольшевистской активности посла в Москве. Впрочем гарантий того, что не последует резкая реакция большевиков, он не имел. Но на этом вызванные Гельферихом колебания не окончились. Пока он боролся за свой пост в течение еще трех недель, т.е. в 2 раза дольше, чем пробыл на должности, последствия его поспешных действий продолжали сказываться в полной мере.

Выезд германского посла «по вызову, для личного доклада», равносильный «отзыву для консультаций», был чрезвычайно тревожным для Совнаркома признаком, однако искушению немедленно бежать из Москвы там не поддались. Определенную роль в этом сыграло и убеждение в успехах строительства Красной армии, хотя очередное обострение на Западе оказалось абсолютно несвоевременным. В связи с поражениями красных на Восточном фронте в конце июля – начале августа 1918 г. Западная завеса, достигшая значительной численности и боеспособности войск, и в меньшей степени Северная стали источником резервов и местом обучения пополнений, формирования новых полков и дивизий. В июле–сентябре 1918 г. оттуда были отправлены на Волгу (иногда на другие участки) три дивизии и ряд других частей (всего не менее 12,5 тыс. бойцов и 39 орудий с Западного участка и около 6 тыс. – с Северного). Этому весьма содействовало прямое заявление от 22 июля статс-секретаря Хинтце, сделанное Иоффе, что как и ранее (23 июня и 8 июля) германское правительство подтверждает: большевики могут спокойно перебрасывать свои войска из-под Петрограда против чехословаков [Paul von Hintze 1998, S. 446]. 11 августа в Западную завесу поступил приказ «снять с фронта все боеспособное и оставить лишь кордон для пограничной службы» [Егорьев 1928, с. 244].

Повторение германской «железнодорожной прогулки» против Советской России, как это случилось в феврале-марте 1918 г., в августе было крайне маловероятно. В ОХЛ и даже в штабе Обер Оста это понимали далеко не все, сильно переоценивая боеспособность оставшегося на Восточном фронте контингента. Тяжелейшие проблемы РККА и РВС как на фронтах, так и в тылу летом-осенью 1918 г. не отменяли тенденции к постепенному выравниванию сил на демаркационной линии с германской армией, хотя основные силы красных находились на восточном и южном направлениях. Несмотря на огромное число уклонившихся от службы и дезертировавших из частей, военный потенциал РККА постепенно рос, причем теперь главной проблемой была уже не дисциплина, восстанавливаемая любыми средствами, а ухудшающееся из-за численного роста снабжение.

8–9 августа 1918 г. из Москвы было отдано распоряжение о постановке новых минных заграждений на Балтике с попутным выяснением, насколько это возможно [Переписка о постановке, л. 17–22]. Установка мин (всего было поставлено менее 1500) привела к гибели на собственном минном поле в ночь на 10 августа советского парохода «Колывань» со всем экипажем, что сразу же ликвидировало возможность скрытно провести подготовку к обороне. Напряжение в Москве и Петрограде относительно скорого возобновления войны с Германией 10–14 августа достигло предела, чреватого неуправляемой эскалацией конфликта. Германский консул получил информацию о рытье окопов под Лугой, выдвигении запасных частей к демаркационной линии, а также о подготовке масштабных взрывов в бывшей столице. Германское командование в свою очередь уже стягивало в Прибалтике и Белоруссии к железным дорогам кавалерийские части (17-й и 18-й драгунские полки и др.). Готовились к попытке быстрого захвата столиц Советской России, чтобы это не успели сделать (про)антантовские части, подступающие – как казалось, неудержимо – с севера и востока. В штабе имелось в виду и формирование защитных соединений в 2–2,5 германских полка всех трех родов войск на будущем новом Восточном фронте против Антанты на территориях Русского Севера и Центральной России. Лишь к 17 августа слухи о уже начавшемся крушении большевистской власти стали рассеиваться.

Факт возобновления минной войны на Балтике тут же вызвал протест германского консульства в Москве [Телеграмма наркома, л. 5], к нему сразу присоединились и представители Финляндии, артиллерия которой обстреляла советских минеров 14 августа. После этого было принято решение пока что по дипломатическим каналам уведомить об опасности для судоходства соответствующей акватории в Финском заливе, а в ночь на 15 августа, когда паника в Москве стала стихать, Ленин приказал постановку мин прекратить [Переписка о постановке, л. 10]. Приостановили подготовку взрывов на базе в Кронштадте, а также уничтожение Балтфлота. Понадобилось некоторое время для того, чтобы отправленный со срочной миссией в Берлин Радек в Орше встретился с Иоффе, везшим проект согласованного Добавочного договора, и вернулся с этой бумагой (13 августа) в Москву, предоставив тем самым доказательства нежелания Германии отказываться от сотрудничества с большевиками. Чтобы не вызывать лишних слухов о симметричном отзыве советского представительства из Берлина, Иоффе по прямому приказу Ленина срочно вернулся в германскую столицу, поддерживая видимость сохранения более прочных чем когда-либо германо-советских отношений. Ликующую от нового доказательства германского курса на сосуществование с большевиками статью (автором ее был все тот же К. Радек) сразу же напечатали «Известия» [Gutjahr 2012, S. 288–289]. 14 августа Иоффе еще раз подтвердил своим партнерам в Берлине, что настроение в Москве «хорошее», так что угрозы

подписанию договора нет [Kessler 2006, S. 509]. Он вновь заверил в этом германских партнеров, едва вернувшись в ночь с 15 на 16 августа в Берлин. Теперь участники прежних переговоров с нетерпением ожидали согласования совместных советско-германских военных операций, веря даже в то, что большевики согласятся на ввод германских войск в Петроград (ради операции «Шлюссштайн») [Ланник 2020, с. 152–157; Чистиков 1994], пресекая при этом недоброжелательные выпады прессы. Так, полагал, например, германский коммерческий советник, занимавшийся проблемами товарооборота с Востоком, активный член кружка Кесслера – Штреземана Литвин. От своего скепсиса в адрес большевиков ненадолго избавился даже Рудольф Надольный [Kessler 2006, S. 506–507].

Огромную роль в преодолении очередного витка кризиса в советско-германских отношениях безусловно сыграла синхронность процессов на различных театрах военных действий. Хотя «черный день германской армии» последовал 8 августа, выяснение и осознание случившегося заняло не только у военных, но и у дипломатов немало времени. Более того, к этому моменту германские элиты в СПА были поглощены совершенно иной интригой. Находившиеся еще с конца июня в крайне нервном состоянии офицеры ставки полагали необходимым новый уровень милитаризации управления. Они стали все чаще обсуждать проект назначения рейхсканцлером какого-нибудь генерала, чтобы добиться, наконец, должного единения тыла и фронта, правительства и Ставки. Обсуждались различные кандидатуры; самой вероятной из них стал генерал-губернатор Бельгии фон Фалькенхаузен, который был моложе престарелого рейхсканцлера Гертлинга (75 лет) всего на год. Лишь в последний момент (3–4 августа) удалось сорвать планируемую придворной камарильей беседу с кайзером [Militär 1970, S. 464–465]. Можно лишь гадать, сколь острую тревогу вызвало бы и у союзников Германии, и в Москве еще одно и на этот раз куда более (чем в случае с Хинтце) убедительное доказательство существования в Германии неприкрытой военной диктатуры. Повидимому, кайзер приложил всю свою волю к тому, чтобы не дать себя спровоцировать на такое назначение. Последовавшие вскоре роковые события на Западном фронте отложили подобные проекты по меньшей мере на несколько недель.

Вызванная усилиями Гельфериха резкая флуктуация в советско-германских отношениях после его прибытия в Берлин и отъезда Рицлера из Москвы быстро пошла на спад. Посол в Москве на встрече с Хинтце 11 августа убедился, что статс-секретарь по иностранным делам успел его переиграть. Во время доклада главы дипломатического ведомства в правительстве как раз по делам России к линии фрондирующего посла в Москве не прислушались. Вице-канцлер Пайер, предварительно «обработанный» сторонниками сотрудничества с большевиками, тоже попросту не поверил оценкам человека,

который в Москве «все 10 дней не выходил из комнаты и никого толком не видел» [Kessler 2006, S. 508]. Германской прессе было дано указание не раздувать конфликт с Советской Россией и не преувеличивать трудности большевиков, ведущих бои против Антанты. Гельферих еще слишком надеялся на свои связи: 15 августа он пытался переубедить поглощенного трагедией германских войск на Западе Людендорфа, хотя отношения ранее у них были далеко не идиллические. В связи с отставкой в июле 1917 г. рейхсканцлера Бетман-Гольвега Гельферих (если верить К. Рицлеру) охарактеризовал Людендорфа так: «С военной точки зрения гений, с политической – дитя, по характеру – каналья» [Riezler 1972, S. 444]. Но главе ОХЛ к тому моменту на фоне поражений на Западе было более чем достаточно получения от большевиков по Добавочному договору Эстляндии и Лифляндии. Бывший посол тщетно отправлял специальный меморандум рейхсканцлеру для передачи его кайзеру лично. И неудивительно: письмо Гельфериха было передано Гертлингу уже с критическими пометками рукой Хинтце, он выслал его Хинтце заранее, не подозревая, что тот использует его против автора послания [Baumgart 1966, S. 394–400]. Уставший от интриг престарелый Гертлинг вернулся из Ставки в Берлин 29 августа, а 30 августа принял прошение Гельфериха об отставке, сопровождавшееся последней попыткой убедить канцлера в своей правоте ([Helfferich 1919, S. 490–491]. Текст прошения рейхсканцлеру см.: [Raumer 1938, S. 397–399]). Хинтце 31 августа на всякий случай еще раз разъяснил Гертлингу свою позицию, в контексте только что взятых на себя Германией по Добавочному договору обязательств, подчеркнув невозможность взаимодействия с генералом Алексеевым против Советов. Приходившие из Советской России известия о покушении на Ленина и его возможной смерти (а потом о начале красного террора) вновь качнули чашу весов в пользу разрыва с Советской Россией. Последние усилия Гельфериха были парированы комментарием главы Министерства иностранных дел о том, что бывший посол в Москве судит об обстановке лишь как финансист [Paul von Hintze 1998, S. 547–549]. Кайзеру о принципиальной дискуссии между Хинтце и Гельферихом и вовсе стало известно только 20 сентября, причем он заявил о согласии со статс-секретарем.

Не менее интересна судьба и сторонников Гельфериха, не сумевших продолжить его курс по месту службы. Рицлер направился в Ревель, будучи уверен, что Обер-Ост уже на пике военных приготовлений. Параллельно он вел переговоры с дипломатами в Берлине и согласовывал транспортировку посольства со штабом стоявшей в Прибалтике 8-й германской армии. Прибыв 12–13 августа в столицу Эстляндии, Рицлер смог несколько прийти в себя после пережитого стресса в Москве и тут же отправился в отпуск очевидно приходиться в себя в связи с нервным потрясением. Оправиться Рицлер не мог еще долго (см., например: [Riezler 1972, S. 486–488]). Добиться конкретной

информации о подробностях уже парафированного Добавочного договора временный глава германской миссии так и не смог [Riezler 1972, S. 467]. Донести свою точку зрения на пережитое в Берлине Рицлер получил шанс в конце сентября, однако к тому времени обстановка сделала любые дискуссии о событиях на пике уже миновавшего германского могущества неактуальными. Военные атташе бывшего посольства, теперь превратившегося в достаточно абстрактную миссию при Советской России (и даже – за пределами ее территории), уже 14 августа получили разрешение выехать в Берлин (Ботмер и Хеннинг), а также в ставку (Шуберт) для доклада Людендорфу. Они были вполне солидарны с позицией Гельфериха и недоумевали относительно нового поворота в кадровой политике. Ботмер даже в 1921 г., проследив за всеми публикациями на тему германского посольства в Москве, солидаризовался с версией Гельфериха [Ботмер 2010, с. 232–235]. С отъездом из России специальных военных эмиссаров важнейший и особый информационный канал воздействия на решения верхов армейских и дипломатических ведомств в рамках восточной политики был перекрыт.

Весьма характерно, что германское политическое руководство было столь потрясено начавшейся агонией германских военных усилий на Западе, что позволило себе отложить вопрос о новом после в Москве на несколько недель (отставка Гельфериха была санкционирована лишь 22 сентября). Хинтце же это было только выгодно: теперь он мог быть спокоен – ведь открыто действовать наперекор его линии, да еще за пределами досягаемости и в хаотической обстановке советской Москвы – теперь было некому. Бывший посол, из-за своего неясного статуса, вынужден был сдерживаться в критике политики на Востоке. Если бы обстановка резко изменилась, то у Хинтце благодаря этой затяжке оставалась возможность вернуть Гельфериха в германскую миссию свержения большевиков, сделав вид, что он никогда и не отрицал необходимости, а лишь выжидал подходящего случая. Этот момент так и не настал, а разрыв отношений с Советской Россией в октябре – начале ноября 1918 г. готовили не только без Гельфериха, но уже и без Хинтце, лишившегося своего поста при формировании последнего кайзеровского правительства Макса Баденского.

Последствия «военной тревоги» вокруг миссии Гельфериха сказывались еще долго, а вызванная различными сведениями о предстоящих военных действиях подготовка обеих сторон к разрыву продолжалась еще не менее месяца. Германские инстанции никак не могли скоординировать свои действия, так как не были уверены в том, какой выбор был сделан – в пользу сохранения или разрыва отношений с большевиками. Советская сторона не исключала как минимум нового вооруженного шантажа и ограниченных действий по расширению зоны оккупации, причем без возможности предотвратить это за счет переговоров. Впрочем, ощущения беспомощности в Совнаркоме уже не

было. Большевики почти сразу после преодоления паники из-за отъезда Гельфериха решительно возмутились попытками османских войск захватить Баку. Некоторое время даже утверждалось, что из-за новой волны взаимного недоверия в последний момент будет сорвано подписание Добавочного договора. Конечно, это был лишь очередной блеф Иоффе, слишком серьезно воспринятый его германскими контрагентами (см., например, письмо Литвина Штреземану от 23 августа: [Gatzke 1955, S. 97]). Начался новый этап советско-германских отношений, характеризующийся иным соотношением сил.

Крайне напряженный темп событий во всем мире и в сфере советско-германских отношений, в частности, делает крайне сложным даже простое изложение событий конца июля – начала августа 1918 г., однако все признаки флуктуации налицо. Высокий уровень дезинформации, эмоциональность в принятии решений, параллельная реализация сразу нескольких, порой противоположных курсов всеми сторонами конфликта, огромная роль субъективных факторов – все это грозило формированием совершенно иной, нежели произошло в действительности, ситуации в ходе Великой войны, в контексте Гражданской войны в России и вообще в истории Восточной Европы первой четверти XX в. Перебирать альтернативы, логически вытекающие из действий К. Гельфериха и общих тенденций в роковые десять дней лета 1918 г. (например, отказ от переброски германских войск на Запад с Востока), здесь вряд ли уместно, однако без учета инвариантности свершившегося хода событий целостный анализ истории международных отношений попросту невозможен.

Библиография

Боевой восемнадцатый год. Сб. док-тов и воспоминаний / Под ред. Я.В. Леонтьева. М.: Русская книга, 2019. 590 с.

Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010. 395 с.

Ватлин А.Ю. Последние дни Германской империи в донесениях советского полпреда Адольфа Иоффе (октябрь 1918 г.) // Российская история. 2018. № 5. С. 89–104.

Егорьев В. Из жизни Западной завесы // Гражданская война 1918–1921 / Под ред. А.С. Бубнова: в 3 т. М.: Военный вестник, 1928. Т. 1. С. 231–245.

Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.

Переписка о постановке минных заграждений на подступах к Петрограду с моря и протестах Германии и Финляндии. Копии телеграмм В.И. Ленина о постановке минного заграждения, 9 и 14 авг. 1918 г. // РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 131. Морской генеральный штаб. 27 л.

Полторак С.Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб.: Остров, 2018. 291 с.

Телеграмма наркома по морским делам с распоряжением председателя СНК о необходимости постановки минных заграждений в Балтийском море и переписка с германским прави-

тельством по вопросу о русских заграждениях в Балтийском море и необходимости установления мин // РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 132. Морской генеральный штаб. 14 л.

Чистиков А.Н. Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюсштайн») // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XIX веков в зарубежной историографии. СПб.: МФ «РТ и Фор», 1994. С. 132–151.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenburg, 1966 (Mainz, 2010). 462 S.

Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversteh'er? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / Hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. 449 S.

Gatzke H.W. Dokumentation zu den deutsch-russischen Beziehungen im Sommer 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1955. N 1. S. 67–98.

Gutjahr W.-D. Revolution muss sein: Karl Radek – die Biographie. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2012. 948 S.

Helfferrich K. Der Weltkrieg: 3 Bde. B.: Ullstein, 1919. Bd. 3. 657 S.

Joost W. Botschafter bei den roten Zaren. Die deutschen Missionschefs in Moskau 1918 bis 1941. Wien: Molden, 1967. 336 S.

Kessler H. Graf. Das Tagebuch 1880–1937: 9 Bde. Stuttgart: Cotta, 2006. Bd. 6. 962 S.

Kriegstagebücher Höherer Stäbe und Verwaltungsbehörden. Hauptstaatsarchiv Stuttgart. M 410. Bd. 792.

Kühlmann R., v. Erinnerungen. Heidelberg: Schneider, 1948. 590 S.

Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1972. 766 S.

Militär und Innenpolitik im Weltkrieg 1914–1918 / Bearb. von W. Deist: 2 Bde. Bd. 2. Dokumente. Düsseldorf: Droste, 1970. 1530 S.

Nadolny R. Mein Beitrag. Wiesbaden: Limes, 1955. 188 S.

Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Eingl. und hrsg. von J. Hürter. München: Boldt im Oldenburg, 1998. 754 S.

Raumer K., v. Das Ende Helfferrichs Moskauer Mission // Gesamtdeutsche Vergangenheit. München: Bruckmann, 1938. S. 392–399.

Raumer K., v. Karl Helfferrich // Deutscher Westen – Deutsches Reich. Saarpfälzische Lebensbilder. Bd. 1. Kaiserslautern: Verlag der Pfälzischen Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 1938 a. S. 185–220.

Scheffbuch A. Karl Helfferrich – ein Kämpfer für Deutschlands Größe. Stuttgart: Belser, 1934. 103 S.

Schulte B.F. Die Verfälschung der Riezler Tagebücher: ein Beitrag zur Wissenschaftsgeschichte der 50-er und 60-er Jahre. Frankfurt a. / M.: Lang, 1985. 244 S.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 750 S.

Wahrmund K. Dr. Karl Helfferrich als Gelehrter, Wirtschaftspolitiker und Staatsmann: ein Beitrag zur Geschichte des Unterganges des bismarckschen Reiches. Leipzig: Hellingsche Verl.-Anstalt, 1938. 169 S.

Williamson J.G. Karl Helfferrich, 1872–1924: economist, financier, politician. Princeton: Princeton Univ. Press, 1971. 457 p.

Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Unveröffentlichte Dokumente // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Teil 1. 1995. N 1. S. 209–247.

Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Unveröffentlichte Dokumente // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Teil 2. 1995 a. N 2. S. 223–266.

Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Unveröffentlichte Dokumente // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Teil 3. 1996. N 2. S. 267–304.

References

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenburg, 1966 (Mainz, 2010). 462 S.

Boevoj vosemnadcatyj god. Sb. dok-tov i vospominanij [Fighting eighteenth year / Sat. documents and memoirs] / Pod red. Ya.V. Leont'eva. M.: Russkaya kniga, 2019. 395 p. (In Russ.)

Botmer K. fon. S grafom Mirbahom v Moskve [K. Botmer von. With Count Mirbach in Moscow] / Pod red. Yu.G. Fel'shtinskogo. M.: Knizhnyj klub «Knigovek», 2010. 395 p. (In Russ.)

Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversteh'er? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / Hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. 449 S.

Chistikov A.N. Sovetsko-germanskiye otnosheniya letom 1918 g. v issledovaniyakh V. Baumgarta i Kh. Kherviga (k istorii operatsii «Shlyusshtayn») [Chistikov A.N. Soviet-German relations in the summer of 1918 in the studies of W. Baumgart and H. Herwig (on the history of the operation «Schlusstein»)] // Gosudarstvennyye instituty i obshchestvennyye otnosheniya v Rossii XVIII–XIX vekov v zarubezhnoy istoriografii. SPb., 1994. P. 132–151. (In Russ.)

Egor'ev V. Iz zhizni Zapadnoj zavesy [Egoriev V. From the life of the Western Veil] // Grazhdanskaya vojna 1918–1921 / Pod red. A.S. Bubnova: v 3 t. M.: Voennyj vestnik, 1928. T. 1. P. 231–245. (In Russ.)

Gatzke H.W. Dokumentation zu den deutsch-russischen Beziehungen im Sommer 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1955. N 1. S. 67–98.

Gutjahr W.-D. Revolution muss sein: Karl Radek – die Biographie. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2012. 948 S.

Kriegstagebücher Höherer Stäbe und Verwaltungsbehörden. Hauptstaatsarchiv Stuttgart. M 410. Bd. 792.

Helfferich K. Der Weltkrieg: 3 Bde. B.: Ullstein, 1919. Bd. 3. 657 S.

Joost W. Botschafter bei den roten Zaren. Die deutschen Missionschefs in Moskau 1918 bis 1941. Wien: Molden, 1967. 336 p.

Kessler H. Graf. Das Tagebuch 1880–1937: 9 Bde. Stuttgart: Cotta, 2006. Bd. 6. 962 S.

Kühlmann R. v. Erinnerungen. Heidelberg: Schneider, 1948. 590 S.

Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 766 S.

Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii. Germanskaya okkupaciya 1918 g. [Lannik L.V. After the Russian Empire. German occupation of 1918 St. Petersburg]. SPb.: Evraziya, 2020. 528 p. (In Russ.)

Militär und Innenpolitik im Weltkrieg 1914–1918 / bearb. von W. Deist: 2 Bde. Bd. 2. Dokumente. Düsseldorf: Droste, 1970. 1530 S.

Nadolny R. Mein Beitrag. Wiesbaden: Limes, 1955. 188 S.

Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / engl. und hrsg. von J. Hürter. München: Boldt im Oldenbourg, 1998. 754 S.

Perepiska o postanovke minnyh zagrazhdenij na podstupah k Petrogradu s morya i protestah Germanii i Finlyandii. Kopii telegramm V.I. Lenina o postanovke minnogo zagrazhdeniya, 9 i 14 avg. 1918 g. [Correspondence on the setting of minefields on the approaches to Petrograd from the sea and the protests of Germany and Finland. Copies of Lenin's telegrams about setting up a minefield, 9 and 14 Aug. 1918] // RGA VMF. F. R-342. Op. 1. D. 131. Morskoj general'nyj shtab. 27 l. (In Russ.)

Poltorak S.N. Brest-Litovsk. 100 let istorii peregovorov o mire. [Poltorak S.N. Brest-Litovsk. 100 years of history of peace negotiations]. SPb.: Ostrov, 2018. 291 p. (In Russ.)

Raumer K., v. Das Ende Helfferichs Moskauer Mission // Gesamtdeutsche Vergangenheit. München: Bruckmann, 1938. S. 392–399.

Raumer K., v. Karl Helfferich... Deutscher Westen – Deutsches Reich. Saarpfälzische Lebensbilder. Bd. 1. Kaiserslautern: Verlag der Pfälzischen Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 1938. S. 185–220.

Scheffbuch A. Karl Helfferich – ein Kämpfer für Deutschlands Größe. Stuttgart: Belser, 1934. 103 S.

Schulte B.F. Die Verfälschung der Riezler Tagebücher: ein Beitrag zur Wissenschaftsgeschichte der 50-er und 60-er Jahre. Frankfurt a. / M u.a.: Lang, 1985. 244 S.

Telegramma narkoma po morskim delam s rasporyazheniem predsedatelya SNK o neobhodimosti postanovki minnyh zagrazhdenij v Baltijskom more i perepiska s germanskim pravitel'stvom po voprosu o russkih zagrazhdeniyah v Baltijskom more i neobhodimosti ustanovleniya min. [Telegram of the People's Commissar for Maritime Affairs with an order from the Chairman of the Council of People's Commissars on the need to lay minefields in the Baltic Sea and correspondence with the German government on the issue of Russian obstacles in the Baltic Sea and the need to establish mines]. RGA VMF. F. R-342. Op. 1. D. 131. Morskoj general'nyj shtab. 14 l. (In Russ.)

Vatlin A.Yu. Poslednie dni Germanskoj imperii v doneseniyah... [Vatlin A.Yu. The last days of the German Empire in the reports of the Soviet plenipotentiary Adolf Ioffe (October 1918)]. Rossijskaya istoriya. 2018. N 5. P. 89–104. (In Russ.)

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 750 S.

Wahrmund K. Dr. Karl Helfferich als Gelehrter, Wirtschaftspolitiker und Staatsmann: ein Beitrag zur Geschichte des Unterganges des bismarckschen Reiches. Leipzig: Hellingsche Verl.-Anstalt, 1938. 169 S.

Williamson J.G. Karl Helfferich, 1872–1924: economist, financier, politician. Princeton: Princeton Univ. Press, 1971. 457 p.

Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Unveröffentlichte Dokumente // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Teil 1. 1995. N 1. S. 209–247; Teil 2. 1995. N 2. S. 223–266; Teil 3. 1996. N 2. S. 267–304.